

БРЮНО ЛАТУР

КОГДА ВЕЩИ ДАЮТ ОТПОР:

ВОЗМОЖНЫЙ ВКЛАД «ИССЛЕДОВАНИЙ НАУКИ»
В ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ¹

ВВЕДЕНИЕ

Не помню, какой именно известный философ остроумно заметил: все обстоит превосходно с общественными науками за исключением двух слов: «общественные» и «науки». Хотя смена тысячелетий сама по себе не имеет большого значения (разве, что для истовых христиан, для которых она является событием в истории Спасения) и хотя тысячи лет — слишком серьезный срок для юных общественных наук, которые насчитывают самое большее несколько веков, все же год 2000 — это неплохой повод еще раз поразмыслить над претензией общественных наук быть именно науками об общественном.

Время располагает к этому: в последние двадцать пять лет небольшая предметная область социологии, известная как «исследования науки и техники» (STS), несколько прояснила, что такое естественные науки и поставила под сомнение само понятие общества. А потому вопрос об общественных науках может прозвучать сейчас по-новому: чем они являются в свете социологии естественных и общественных наук? Какие перспективные области исследований они открывают? Задача нелегкая, ведь STS совершили скачок, сравнимый разве что с появлением первых млекопитающих в эпоху динозавров. Те сначала незаметно обживали свои скромные ниши, чтобы, дождавшись благоприятного момента, ворваться на множество новых территорий. Хотя я не думаю (и не надеюсь!), что комета уничтожит «динозавров», я уверен, STS начнут играть более заметную роль в непростой эколо-

¹ Первая публикация: Латур Б. Когда вещи дают сдачи: возможный вклад «исследований науки» в общественные науки // Пер. О. Столяровой // Вестник МГУ. Сер. «Философия». 2003. № 3. (Latour B. When things strike back: a possible contribution of 'science studies' to the social sciences // British Journal of Sociology. 2000. Vol. 51. № 1.) — *Прим ред.*

гии общественных наук, как только смерть хотя бы немногих традиционных Важных Проблем предоставит место для их распространения. Сейчас STS еще едва различимы, поэтому их вклад в магистральное обществоведение не так легко заметить².

Рассмотрим официальную версию: исследования науки и техники расширяют ряд «социально интерпретируемых» феноменов, добавляя к ним те, которые прежде оставались за пределами социологического рассмотрения. Здесь речь идет о таких феноменах, как материя, производительность, объективность, которые традиционно не вписывались в рамки социологического исследования, поскольку было хорошо известно, что работа обществоведов ограничивается социально релевантными темами. Например, если велосипедист, наткнувшись на камень, слетел с велосипеда, обществоведам, они сами признаются³, нечего сказать по этому поводу. Но стоит вступить на сцену полицейскому, страховому агенту, любовнику или доброму самаритянину, сразу же рождается социологический дискурс, потому что здесь мы получаем ряд общественно значимых событий, а не только каузальную смену явлений. Представители STS не согласны с таким подходом. Они считают социологически интересным и эмпирически возможным анализировать механизм велосипеда (Bijker, 1995), дорожное покрытие, геологию камней, психологию ранений и т. п., не принимая разделение труда между естественными и общественными науками, основанное на дихотомии материи и общества. Несмотря на то, что такая уравниловка («симметрия», выражаясь профессиональной лексикой) вызывает ожесточенные дискуссии в нашем лагере, все участники STS согласны относительно следующего: общественные науки должны *выйти за пределы* той сферы, которая до настоящего времени считалась сферой «общественного» (Bloog 1991 [1976]; Law 1986).

Итак, по случаю смены символов, которыми мы (развитая часть некоторых богатых обществ) исчисляем годы, я хочу поднять вопрос о том, насколько изменится обычный предмет общественных наук, если они займутся природными феноменами.

² Для введения в проблематику см. (Jasanoff, Markle, Peterson, Pinch, 1995). Для дальнейшего чтения см. (Biagioli, 1999). Для знакомства с новейшими и наиболее значительными результатами см. (Knorr-Cetina, 1999).

³ Здесь, очевидно, аллюзия на текст М. Вебера о категориях понимающей социологии: «Случайное столкновение велосипедистов мы не назовем общностно ориентированными действиями, но их предшествующие попытки избежать инцидента, а также их возможную „потасовку“ или попытку прийти к мирному „соглашению“, мы уже относим к действиям упомянутого типа» (Вебер, с. 509) — *Прим ред.*

УСПЕХИ НЕУДАЧ

Первая трудность состоит в необходимости выйти за пределы «общественного», чтобы увидеть природные и материальные объекты. Не могу удержаться от соблазна выразить ситуацию с помощью парадокса. Если социальная интерпретация естественных наук состоялась, значит — она провалилась, а вместе с ней и все общественные науки. Если же она неудачна, то она интересна, но до того бессодержательна, что мы теряем предмет изучения и вряд ли можем считать себя учеными. И в том, и в другом случае исследования науки и техники появляются как *fatum* общественных наук. Я собираюсь защитить этот парадокс, прежде чем в следующем разделе перейти к положительным (хотя и нелогичным) характеристикам вклада STS в общественные науки.

Что для респектабельных общественных наук означало бы дать природным феноменам социальную интерпретацию? Показать, что кварк, микроб, закон термодинамики, инерциальная система наведения и т. п. в действительности суть не то, чем они кажутся — не подлинно объективные сущности внеположной природы, а хранилища чего-то еще, что они преломляют, отражают, маскируют или скрывают в себе. Этим «чем-то еще» в традиции общественных наук непременно выступают некие социальные функции и факторы. Так, социальная интерпретация в конечном счете подразумевает способность *заместить* некоторый объект, относящийся к природе *другим*, принадлежащим обществу, и показать, что именно он является истинной сущностью первого (см. в высшей степени мастерский и доходчивый анализ в Hacking 1999).

У обществоведов достаточно оснований полагаться на эффективность этой стратегии — ведь она, по их мнению, работала в парадигматическом примере с религией в XIX веке, когда складывались общественные науки. Обществоведы без особого труда убедили себя: чтобы объяснить ритуалы, верования, видения или чудеса (т. е. трансцендентные объекты, каковым акторы приписывают свойство быть первопричиной какого-либо действия) вполне допустимо (хотя и не всегда легко) *заместить* содержание этих объектов функциями общества, которые были скрыты в этих объектах и имитированы ими. Такие типы объектов были названы фетишами, т. е. метками чего-то еще (генеалогию см. Pietz 1985). Как только произошла *подмена* ложных объектов, относящихся к верованиям, истинными объектами, относящимися к обществу, ничего больше в религии не заслуживает внимания, кроме социальных сил, которые она умело скрывает и сим-

волизирует. Поэтому когда наши коллеги слышат о существовании подрубрики их дисциплины, которая направлена на феномены науки и техники, им не остается ничего другого, как предположить, что STS хотят сделать для материальности и объектности то же, что было сделано сначала для религии, а впоследствии для множества других предметов — поп-культуры, мультимедийных исследований, политики, искусства, закона, гендерных феноменов и т. д. — то есть пере-направить внимание с ложного объекта на истинный, выводимый из общества.

Но в данном случае, конечно, нельзя не заметить, что предмет STS — будь то наука, объективность, универсальность — не похож на *все* прочие предметы общественных наук: он *единственный* не так легко допускает подмену. Потому что, с одной стороны, он выступает как объект объяснения, а с другой — как *исходный* пункт объяснения.

С наукой, говорят обществоведы (само по себе довольно убийственное признание) не так легко иметь дело, как со всем остальным (подразумевается, что с остальным они готовы справиться легко), ведь она составляет суть самих общественных наук, единственную цель, оправдывающую их существование — достичь знания о том, что такое при-рода социального.

Соответственно, вместо радости по поводу расширения своих владений — ведь STS добавили новую область к религиоведению, городским, гендерным, классовым и прочим подобным исследованиям, — общественные науки немедленно почувствовали отравляющий эффект этой инициативы и вынуждены были отвергнуть чашу с ядом для собственного спасения.

Причины проблемы понять нетрудно. В глубине души обществоведы сами сильно сомневаются в качестве своих интерпретаций и не хотят, чтобы их обрабатывали теми же вредными способами, какими они обрабатывают все прочие предметы. Вот она, западня рефлексии, которая хорошо проанализирована в исследованиях науки и техники (Woolgar 1988). Мы можем подвергнуть социальной интерпретации что угодно (включая общественные науки), но только до тех пор, пока не возьмемся за естественные науки. Почему? Да потому что для множества обществоведов социальная интерпретация означает разрушение интерпретируемого объекта, разоблачение ошибочных представлений о нем (каковые имеют обычные люди) и замену этих идолов истинными объектами науки, или указание на то, что такая замена невозможна, поскольку определенная мера иллюзии (или ложного сознания) необходима для функционирования социального порядка (Bourdieu и Wacquant 1992).

Принятое на веру допущение о нормальном *modus operandi* обществоведа вызывает беспокойство, когда дело доходит до материалов STS. Поскольку обществоведы сами верят, что социальная интерпретация разрушает объект, что произойдет, если подвергнуть такой радикальной обработке естественные науки? Не исчезнут ли они так же, как религия? Или хуже: если посадить естественные науки на диету подмены, сколько продержится объективность общественных наук? Не придется ли нам увидеть, как революция убивает своих детей — как разваливается все здание науки (естественной или общественной)? Еще хуже: поскольку социальная интерпретация подразумевает замену мнимого объекта социальной функцией, то конечный источник просвещения всецело держится на хрупких плечах обществоведов, задача которых предоставить неопровержимое знание о любых феноменах общества, и не только о Боге (нет проблем?), но также о законах природы. Действительно ли обществоведы готовы ответить на вызов? Если нет, если их знание недостаточно, как тогда сохранить проект современности, которому требуется абсолютное основание несомненной объективности для эмансипации людей и мобилизации их действий? Все это — вопросы так называемых научных войн. Но если такова эта банка с червями, открытая STS, безопаснее было бы захлопнуть ее, и поскорее. Похоже, когда исследования науки и техники расширяют общественные науки до сферы *собственно Разума*, они вынуждены *расставаться* с разумом.

Поэтому вклад исследований науки и техники в магистральные общественные науки был так ограничен: их всегда преследовала дурная репутация. Когда вы заняты в этой области, вам не избежать самых серьезных философских проблем, с которыми ваши ситуационные исследования оказываются связаны. Если даже вы изберете такие безобидные предметы, как математическое доказательство, нейротрансмиттер, расчет методом Монте-Карло или автоматизированную подземку, вам все равно придется иметь дело с «релятивизмом», «несоизмеримостью», «субъективизмом», «постмодернизмом». Из самых невинных полевых исследований непременно проглянет раздвоенное дьявольское копыто. Нетрудно показать, что Рембрандт был генеральным директором кустарей, занимавшихся спекуляциями на рынке, что поклонение товарам выражает глубокое колониальное разочарование, что классовые интересы и рост производства определяют каждый шаг в карьере *homo academicus*; но включите Британскую империю в физику Лорда Кельвина (Smith и Wise 1989) или весь империализм в условия зрительных восприятий приматов (Hagaway 1989), и небольшой скандал обеспечен. Для этих предметов, и только

для них, почему-то сделано исключение: общество и общественное объявлены вне закона.

Здесь STS не просто сталкиваются с препятствием, но попадают в опасную ловушку, чему виной вторая особенность традиционно понимаемой социальной интерпретации: она или разрушает объект, или вообще его игнорирует! Осторожный обществовед мог бы спросить: почему не ограничить сферу научной практики, принадлежащую STS, только узким уровнем общественного, как благоразумно сделали в 50-е годы первые основоположники «социологии ученых и инженеров» (а не науки и инженерии) (Merton 1973)? Все трудности исчезнут. Да, но вместе с трудностями исчезнет цель общественных наук. Конечно, не случилось бы ничего страшного, если бы все сошлось на том, что социальная интерпретация должна быть направлена исключительно на те элементы, которые даже в науке и, тем более, в технике считаются принадлежащими сфере общественного: «силовые отношения», легитимность, идеология, пристрастия, деньги и что-нибудь вроде распределения «символического капитала». Но из этого следует, что STS затрагивают только самые поверхностные аспекты физики, математики, неврологии или этологии. Когда же дело доходит до существенного предмета, общественные науки вынуждены *пасовать*. Да, проблема признания STS как *bona fide* сферы общественных наук исчезнет; но такая стерилизация исследований науки и техники обнаружит, что социальная интерпретация *любого* объекта равносильна уходу от объективного в область *только* общественного. Вас допустят в салоны общественных наук, но лишь при условии: отказаться от интерпретации своего предмета. Что прошло незамеченным во всех прочих разделах, где социальное измерение казалось исчерпывающим, проявится в социологии естественно-научных фактов.

Затруднение, которое я обозначил в начале этого раздела, теперь в полной мере раскрыто. Предположим, что цели STS самые смелые; тогда, видимо, будет разрушено основание науки, естественной или общественной. Если же цели скромные, тогда будет разрушена сама идея социальной интерпретации того, что избегает сферы общественного. Если STS смогли предоставить социальную интерпретацию, она оборачивается неудачей или, как минимум, самсоновой смертью под обломками так безрассудно расшатанного храма. В конечном счете обществоведы правы, когда отказываются иметь дело с областью, разрушающей научность всех наук при попытке их социальной интерпретации. Если такая «социальная интерпретация» не удастся, STS легко занимают место в ряду остальных общественных наук, которые могут предложить лишь поверхностные интерпретации феноменов (будь то ре-

лигия, мода, поп-культура, искусство или типы неопознанных летающих объектов), чья истинная сущность скрыта от них навсегда.

Одного только присутствия исследований науки и технологии достаточно, чтобы заставить остальные общественные науки признать затаенное сомнение в собственной научности. Если мы поступим с естественными науками так, как поступаем с другими предметами, тогда мы их уничтожим, а это настолько опасно, что вызовет ответный огонь. Или альтернатива такова: обращение к естественным наукам может быть вполне безопасно, если, применяя обычную тактику, мы не затронем их существенных аспектов, далеких от сферы «общественного». Однако и в этом случае нам не избежать ответного удара, потому что обнаружится: когда обществоведы желают понять какую-то вещь, они вынуждены отбросить то, что фактически составляет ее *вещность*. Они или уничтожают свой предмет, или игнорируют его (замечательный пример из истории искусств см. в Hennipon 1993). Неудивительно, что магистральное обществоведение редко обращается к материалам STS.

К счастью для всех общественных наук, и, в частности, для исследований науки и техники, несмотря на многочисленные заявления некоторых сторонников и большинства противников STS-проекта, последний *никогда* не предлагал естественным наукам социальную интерпретацию. Потому что несовместимость некоторых новых объектов с социологическим методом обнаружила ущербность метода социальной интерпретации в целом (дискуссии по этим вопросам см. в Pickering 1992). Вот почему я опять говорю, прибегая по случаю милениума к евангельской метафоре, что неудача, которую потерпели STS с интерпретацией естественных наук, стала *felix culpa*, первородным грехом, способным привести общественные науки к иной расстановке сил, благодаря исправлению значения двух слов: «общественное» и «наука».

КАК ПОДРАЖАТЬ ЕСТЕСТВЕННЫМ НАУКАМ

Из того обстоятельства, что природные объекты сопротивляются социальным интерпретациям, можно сделать два противоположных вывода — осторожный и смелый. Осторожный сводится к тому, что проект «социального объяснения» природы был обречен на провал, поскольку природные факты не вписываются в рамки социального порядка. На этой позиции стоит большинство философов науки и участников «научных войн». Другой вывод, которого придерживаюсь я сам вместе с немногими единомышленниками из числа фило-

софов, социологов и антропологов, заключается в том, что *felix culpa* помогла прояснить общее свойство *всех* объектов: они настолько специфичны, что их нельзя заместить чем-то другим (заменителем чего их предположительно считают).

Эта «уникальная достаточность», которую так энергично отстаивают этнометодологи, является общим принципом, категорически запрещающим прибегать к любой другой вещи, например, социальной функции, для оправдания упорства, упрямства или неуступчивости какого-то объекта (Lynch 1994). Важность этого свойства трудно переоценить. Если социолог отрицает идею замещения, например, второго закона термодинамики неким социальным фактором (который якобы можно «выразить» с помощью этого закона), то же самое будет, по-видимому, справедливо в отношении всех прочих объектов, которые мы хотим объяснить. Они также противятся тому, чтобы быть подменой, и это не менее верно для чудес (Claverie 1990), моды, гендерных феноменов, искусства, чем для роторного двигателя или химической формулы. Вот в чем состоит вклад STS в общественные науки. Потребовалось другое определение объекта (Thevenot 1996; Pickering 1995): однажды обществоведы уже проходили испытание огнем, стараясь выразить в социальных терминах самую сущность того, что не принадлежит общественному, и сгорели. Конечно, этот вклад был бы немедленно утрачен, если бы мы опять принялись распределять объекты по двум лагерям: один — для *фетишей*, которые по причине своей легковесности могут и должны считаться «просто социальными конструктами», и другой — для *фактов*, которые существенны, и, по определению, избегают всех социальных интерпретаций (Latour 1996c). Я придумал неологизм «фактиши», чтобы напомнить о бесполезности такой дихотомии (см. Latour 1999b ch. 9 и карикатурную противоположность — Searle 1998).

Это новое признание уникальной достаточности объектов приводит общественные науки к двум последствиям: первое относится к понятию общества, второе — к тому, что именно должно быть воспроизведено, когда обществоведы пытаются подражать естественным наукам.

Я буду краток относительно первого, потому что развенчанием идеи общества как источника объяснения заняты в этой области различные авторы (см. Urry, Beck, Castells). В последние годы выяснилось, что существование общества есть часть проблемы, а не ее решение. «Общество» составлено, сконструировано, собрано, устроено, слеплено и смонтировано. Оно больше не может рассматриваться как скрытый источник причинности, который якобы следует привлечь для того, чтобы объяснить существование и устойчивость какого-то другого дей-

ствия или поведения (именно в этом суть систематизации, предпринятой акторно-сетевой теорией, см. Callon и Latour 1981; Law 1993). Диффузия терминов, сеть (Callon 1992) и текучая среда (Mol и Law 1994) демонстрируют рост сомнений по поводу идеи всеобъемлющего общества. В определенном смысле, век спустя мы становимся свидетелями реванша Габриэля Тарда над Эмилем Дюркгеймом: общество ничего не объясняет, оно само должно быть объяснено (Tarde 1999a, 1999b). И такое объяснение возможно по определению, через присутствие множества других маленьких вещей, общественных не по природе, а лишь в смысле того, что они *сообщаются* друг с другом.

Прилагательное «общественный» теперь означает не субстанцию, не сферу реальности (противоположную, например, естественному, или техническому, или экономическому), а способ связывания вместе гетерогенных узлов, способ *превращения* сущностей одного типа в другой («превращение» противоположно «замещению»: Callon 1986; Latour 1988). Немалую услугу оказали общественным наукам исследования техники, когда обнаружили, как много свойств бывшего общества (устойчивость, экспансия, масштаб, подвижность) существует на самом деле благодаря способности артефактов буквально, а не метафорически, строить социальный порядок (Latour 1996a), включающий печально известную дилемму актор/структура (Latour 1996b). Артефакты не «отражают» общество так, словно «отраженное» общество пребывало в каком-то ином месте и состояло из какой-то иной материи. Они в значительной мере представляют собой то самое вещество, из которого складывается «социальность» (Latour и Lemonnier 1994). То же можно сказать о широкой литературе по исследованиям науки. Демография, экономика, финансовый учет, политика и, конечно, сами разнообразнейшие обществоведы не являются извне, чтобы изучать общество. Они как раз и дают обществу телесность, существование и зрительную воспринимаемость (подробнее об этом ниже). Давно ставшая тривиальной тема социального конструирования перевернулась теперь с ног на голову: ученые стараются выявить ингредиенты, которые лежат в основе того или иного общественного порядка. Что было причиной, стало предварительным следствием. Общество не состоит из социальных функций и факторов. Интерес к «общественному» не приводит к обществу как исходной точке интерпретации (Strum и Latour 1987).

Второй аспект — дефиниция науки — менее известен, но поскольку определение науки могло бы прояснить определение общества, я подробнее остановлюсь на этом вопросе (я следую здесь (Stengers 1996), предисловие на английском см. (Stengers 1997b)). До сих пор подражание общественных наук естественным было комедией ошибок.

Обществоведы, отлученные от природных объектов и верящие в то, что философы науки и некоторые ученые говорили о «научном методе», были парализованы «завистью физике». Они вообразили, что великое превосходство «физиков» коренится в том, что они имеют дело с объектами, которые им подчиняются и позволяют полностью контролировать себя. Поэтому те, кто изучал социальные феномены, в большинстве своем старались максимально приблизиться к этой мифической естественно-научной картине: они хотели походить на беспристрастных ученых, которые способны по своему желанию управлять объектами и объяснять их посредством строгих причинно-следственных связей. Некоторые обществоведы играли в игру «кто кого» иначе. Они настаивали на том, что социальные сюжеты в отличие от физики, химии и геологии требуют совершенно *другого* типа научности, герменевтической, интерпретативной природы (оставим в стороне тех, кто вообще не верил в способность общественных наук что-либо изучать). Короче говоря, те, кто изучал социальные предметы, должны были либо полностью копировать естественные науки, либо стать их полной противоположностью. Однако обе позиции (назовем их «количественной» и «понимающей», чтобы не задерживаться на множестве нюансов), разделяют официальную версию о естественных науках, распространенную в «эпоху до STS».

Но модель, которую обществоведы избрали для подражания, изменится до неузнаваемости, если они обратятся к материалам STS, описывающим научную практику лабораторий и прочих научных учреждений, которая стала объектом детального изучения со стороны историков, антропологов и социологов. Разумеется, результаты этого изучения нужно принимать такими, какие они есть, то есть предлагающими нечто отличное от социальной интерпретации изучаемых феноменов (хотя даже некоторые социологи науки этого не поняли: см. (Bloog 1999) и мой ответ (Latour 1999a)).

Контроль над объектами, беспристрастность, солидарность и нейтральность не являются обязательными признаками лабораторного уклада. Но не потому, что ученые и инженеры предвзяты, пристрастны, тенденциозны, эгоистичны, корыстны (хотя и это — часть процесса), а потому что объективность, с которой ученые и инженеры имеют дело, — совершенно иной природы. «Объективность» означает не особое качество сознания, не его внутреннюю правильность и чистоту, но присутствие объектов, когда они «способны» («able», слово этимологически очень сильное) *возражать* (to object) тому, что о них сказано (замечательные примеры см. в (Rheinberger 1997)). Лабораторный эксперимент создает для объектов редчайшие, ценные, локаль-

ные и искусственные условия, где они могут предстать в своем собственном праве перед утверждениями ученых (детальную разработку такой реалистической социальной философии науки см. в (Latour 1999b)). Разумеется, речь не идет о полном противопоставлении субъективного и объективного. Напротив, именно в лаборатории (в широком смысле), благодаря, а не вопреки искусственности и ограниченности экспериментальной ситуации достигается величайшая степень близости между словами и вещами. Да, вещи можно сделать достойными языка. Но эти ситуации так нелегко найти, они — так необычны, если не сказать «чудесны», что разработка нового протокола, изобретение нового инструмента, обнаружение нужной позиции, пробы, приема, эксперимента часто заслуживают Нобелевской премии. Нет ничего более трудного, чем отыскать способ, позволяющий объектам достойно противостоять нашим высказываниям о них.

Парадокс состоит в том, что стремясь копировать естественные науки, сторонники количественного обществоведения упустили из виду именно эти свойства объектов, которые могли бы сделать их дисциплину по-настоящему объективной. Парадокс усиливается из-за того, что сторонники понимающей школы обвинили естественные науки в грехе, которого те не совершали, а именно в том, что они будто бы обращаются с предметами как с «простыми вещами». Было бы хорошо (мог бы сказать кто-нибудь) если бы обществоведы могли относиться к своим предметам так же, как «физики» — к своим! (Примеры из смутной области изучения приматов см. в (Strum и Fedigan 2000)). Стенжерс (Stengers 1997a) и Депре (Despret 1999) убедительно показали на примере психологии, что причина всех этих недоразумений коренится в представлении о неизвестной структуре. Аргумент, на первый взгляд, нелогичный при внимательном рассмотрении оказывается весьма здравым.

Чтобы достичь объективности в своем понимании, обществоведы стремились максимально снизить влияние человеческих субъектов на научный результат. Единственное решение проблемы — держать людей в неведении относительно того, что управляет их действиями, как, например, в известном эксперименте Милграма, который исследовал американских студентов на предмет душевной черствости. Когда актер — игрушка тайных сил, только ученый находится «в теме» и может предложить надежное знание, незапятнанное субъективной реакцией испытуемых. Ведь ученый непредвзят, а субъект *безразличен* к тому, что, по определению, неизвестно. Условия выглядят идеальными: человеческие субъекты никоим образом *не влияют* на результат, значит, мы создаем науку о людях, такую же строгую, как о природных объектах.

К сожалению, несмотря на то, что эти вездеходы «научной методологии» делают обществоведов внешне похожими на настоящих ученых, они оказываются фальшивой и дешевой имитацией, как только мы возвращаемся к нашему определению объективности как способности объекта достойно противостоять тому, что о нем сказано. Если мы потеряем эту способность объекта влиять на научный результат (чем гордятся сторонники количественных методов), мы потеряем и саму объективность. Если микробы, электроны и пласты скального грунта не нужно лишать способности воздействовать на результат эксперимента, то не потому, что они полностью подчиняются ученым, а потому, что совершенно *безразличны* к их высказываниям. Это не значит, что они — «просто объекты», наоборот, они ведут себя как им заблагорассудится без оглядки на интересы ученых — останавливают эксперименты, внезапно исчезают, умирают, отказываются отвечать или разносят лабораторию вдребезги. Объекты природы *непокорны* по природе. Какой ученый скажет, что они полностью управляемы? Наоборот, они всегда сопротивляются контролю и вносят путаницу в наши планы. Если с человеческими субъектами необходимо вести себя гораздо осторожнее, то не потому, что люди не должны рассматриваться как лишенные интенциональности, сознания и способности к рефлексии «просто вещи» (позиция понимающих школ), и не потому, что люди могут влиять на научный результат (точка зрения количественных школ), но, напротив, потому, что субъекты быстро *теряют* силу сопротивления, когда *идут на уступки* ожиданиям ученых. Микробы и электроны никогда не откажутся от *сопротивления*, потому что не легко поддаются воздействию эксперимента, интересы которого настолько далеки от их собственного *стремления* (если не сказать интереса). Субъекты, в отличие от них, сдают так быстро, что превосходно играют роль тупого объекта, стоит «людям в белых халатах» попросить их пожертвовать сопротивлением во имя высоких научных целей (именно это произошло в эксперименте Милграма, который доказал только то, что психолог действительно умеет мучить студентов).

Если обществоведы хотят стать объективными, они должны найти такую редчайшую, ценную, локальную, чудесную ситуацию, в которой сумеют сделать предмет максимально способным возражать тому, что о нем сказано, в полную силу сопротивляться протоколу и ставить собственные вопросы, а не говорить *от лица ученых*, чьи интересы он не обязан разделять. Тогда поведение людей в руках обществоведов станет таким же *интересным*, как поведение вещей в руках «физиков». Сравните, например, дофеминистскую социологическую литературу,

посвященную домохозяйкам и гендерным ролям, с той, которая, явившись после феминизма, сумела сделать большинство своих потенциальных респондентов непослушными. Вы увидите разницу между псевдообъективной наукой, имеющей только внешность науки, и поразительными гендерными открытиями. Последние не всегда разделяют внешние атрибуты с естественными науками, но, несомненно, обладают собственной объективностью, т. е. «способностью возражать», которая заключается в том, что сами объекты вводят на сцену новые существа, ставят свои собственные новые вопросы, побуждают обществоведов, равно как и «физиков», переоснастить все их интеллектуальное оборудование. Несмотря на тревоги участников «научных войн», именно тогда, когда объекты изучения интересны, активны, непослушны, полностью вовлечены в разговор о них, общественные науки и начинают подражать поразительным новинкам лучших естественных наук (как раз это совершили исследования науки и техники со *своими* объектами: они позволили им возражать, причем в полный голос). Что же до остальных общественных наук, копирующих естественные науки и при этом теряющих объективность, они поступили бы благороднее, если бы промолчали.

Этот довод (я называю его шибболет Стенжерс-Депре, потому что он полностью перекраивает дисциплинарные нормы) не служит оправданием количественных или понимающих школ общественных наук. Энергия и тех, и других нашла бы лучшее применение, если бы вместо борьбы с воображаемой естественно-научной методологией (которая будто бы обеспечивает управление «просто объектами»), они действительно постарались бы открыть такие редкие и порой ужасные ситуации, где ни интенциональность, ни самосознание, ни способность к рефлексии не определяют человека. Усиленно отстаивая герменевтические методы, обществоведы мгновенно оказались за бортом методологии — они заключили в скобки мириады *не-человеческих* акторов, сущностно важных именно для определения человеческой природы. Огромная работа, проделанная сторонниками понимающей школы с тем, чтобы отделить людей от объектов, ничуть не более этична (несмотря на высоту моральных установок, с которыми герменевты шли на защиту людей от естественно-научной объективации), чем самый вульгарный расизм, который заявляет: «non-humans не место в нашей науке» (многие другие типы объективностей из медицинской практики представлены в (Berg и Mol 1998)).

Подведем итоги. Насколько я вижу, вещи незаслуженно обвиняются в том, что они — просто «вещи». Уточню: нам полезнее было бы вернуться к англо-саксонской и романской этимологии этого слова,

чтобы вспомнить, что все вещи (латинское *res*, а также *causa*: см. (Thomas 1980)) означают *ансамбль* судебной природы, который собран вокруг предмета обсуждения, *reus*, порождающего как конфликт, так и согласие. После нескольких веков Нового времени исследования науки и техники просто возвращают нас к обычному определению вещей как *ансамблей*, и это определение заставляет увидеть, что границы между природой и обществом, необходимостью и свободой, между сферами естественных и общественных наук, — весьма специфичная антропологическая и историческая деталь (Latour 1993; Descola и Palsson 1996). Достаточно просто взглянуть на любой из квазиобъектов, заполняющих страницы сегодняшних газет, — от генетически модифицированных организмов до глобального потепления или виртуального бизнеса, — чтобы убедиться: обществоведы и «физики» рано или поздно смогут забыть о том, что их разделяет, и объединиться в совместном исследовании «вещей», которые, будучи по природе гибридами, *уже* (много десятилетий) объединяют их на практике.

ЗОЛОТОЙ ВЕК ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК?

По какой странной причине общественные науки пытаются столь неправильным образом подражать естественным наукам? Любопытный ответ дает Бауман, характеризуя обществоведа как «законодателя» (Bauman 1992). Большинство общественных наук было изобретено в конце XIX века, когда после многих лет тяжелейших гражданских войн и революционной борьбы возникла потребность в упрощении политических процессов. Если у нас есть Общество как *уже готовое единое целое*, с помощью которого можно объяснить поведение неразумных акторов — общество, чье тайное устройство открывается опытному взгляду тренированного обществоведа — тогда можно ставить перед собой гигантскую задачу социальной инженерии и приступать к производству всеобщего блага вместо того, чтобы кропотливо создавать эту общность политическими методами. Вот откуда берет начало то самое Общество, гибель которого видна сейчас повсеместно, не столько даже из-за наступления сетей и глобального маркетинга, сколько потому, что оно оскандалилось и политически, и научно. От Конта до Бурдьё через Дюркгейма и Парсонса мечта о законодательстве определяла ключевую задачу большинства обществоведов (кроме немногих школ понимающей социологии, этнометодологов и «символистов», которых Бауман относит к другому направлению). Они хотели пойти в обход невыносимо беспокойной политической

арены, применив знание о том, что такое Общество, которое манипулирует людьми вопреки им самим.

В странной политической мечте об упрощении политики мы обнаруживаем не только понятие общества, обсуждаемое выше, но и крайний сциентизм, который мы также подвергли критике.

Когда обществоведы стремятся найти невидимую структуру, «манипулирующую» агентами без их ведома, они уверены, что должны копировать опасное естественно-научное изобретение, а именно дихотомию первичных и вторичных качеств, если употребить старую, но подходящую здесь философскую терминологию. Первичные качества определяют действительную ткань природы (элементарные частицы, цепи, гены, атомы, в зависимости от дисциплины), тогда как вторичные определяют способ, посредством которого люди субъективно репрезентируют тот же самый универсум. Например, стол выглядит коричневым, полированным и старомодным, а на самом деле, он состоит из атомов и вакуума. Компьютер разложим на биты и транзисторы, но я вижу только дружественный интерфейс. Смысл этого кажущегося невинным разделения — в том, что оно является хитрым политическим приемом. Этот наш общий мир (то, из чего на самом деле состоит универсум), известен ученым, но скрыт от обычных людей. Все, что можно видеть, переживать и чувствовать — разумеется, субъективно значимо, но при этом совсем несущественно, потому что не соответствует устройству мироздания. Поэтому, когда наступает время политической работы *par excellence*, т. е. время определить, каков мир, которым мы сообща обладаем, ученые могут сказать: вопрос *уже закрыт*, итог всех первичных качеств уже подведен в единой Природе. Конечно, остаются еще вторичные качества, но они только дробят нас на разные точки зрения, субъективно, быть может, значимые, но объективно (в традиционном смысле) несущественные. Так мы приобретаем одну Природу и множество несоизмеримых культур (подробную аргументацию см. в Latour 1999c).

Теперь мы можем понять, как велико для обществоведов искушение играть роль законодателей, чтобы сделать для Общества то, что (они считают) сделали для Природы «физики». Вместо того, чтобы создавать общество шаг за шагом, в напряженном политическом процессе, давайте лучше предположим первичные качества — такие как экономические инфраструктуры, силовые отношения, *эпистемы*, бессознательное, формы принуждения, невидимые руки (в зависимости от дисциплины). Предположим, далее, что акторы не сведущи в материи, из которой на самом деле соткана их общественная жизнь, как я не знаю атомарной структуры этого стола. И тогда, как только при-

дет время создавать наш общий мир, обществовед может сказать: «Культурные простофили, вы опоздали! У нас уже есть общий мир, он называется Общество. Он всегда был там, он лежал в основе всех ваших действий, даже если вы его не видели. Конечно, ваши субъективные ощущения тоже существуют, но они ничего не добавляют к суровой реальности Общества. Точнее, кое-что они добавляют: покров иллюзии, предохраняющий вас от этой ужасной истины, которую ясно видим мы, потому что являемся обществоведами».

Но можно пойти еще дальше и достичь новоевропейской мечты (впрочем, она разбита вдребезги недавней историей, а также благодаря некоторому вмешательству STS). Почему бы не применить сразу *оба* традиционных метода, которые предписывают создавать общий мир посредством сокращения необходимого политического развития, а именно Природу и Общество? «Физики» заняты первичными качествами природного мира, а обществоведы — первичными качествами Общества. Знание того, как мир на самом деле устроен, позволит «физикам» считать все вторичные качества иррациональными, частными, субъективными или фактами культуры (в зависимости от степени воинственности). В то же время, знание того, как Общество на самом деле устроено, позволит обществоведам отклонить любые реплики акторов, объявив их слишком субъективными, частными, искаженными, извращенными, несущественными или культурными иллюзиями (опять-таки, в зависимости от степени заносчивости). Так что сарказм, с которого я начал, принадлежит скорее философу. Да, общественные науки превосходны, за исключением слов «науки» и «общественное». Если «общественное» подразумевает Общество, а Науки означают упрощение необходимого развития посредством уже готового разделения первичных и вторичных качеств, и если все это дает право обществоведам и «физикам» насмехаться над остальными людьми за их иррациональность, то общественные науки гроша ломаного (или, может быть, евро) не стоят.

Но они могут иметь совершенно другое предназначение при условии, что, благодаря, в частности, STS, отвергнут дихотомию первичных и вторичных качеств (которую Уайтхед так выразительно назвал «бифуркацией природы» (Whitehead 1920)) и вернуться к «вещам», в смысле, определенном выше. Вещи («квазиобъекты» или «риск», слово не имеет значения) обладают специфическим свойством *неделимости* на первичные и вторичные качества. Они слишком реальны, чтобы быть представлениями, и слишком спорны, неопределенны, собирательны, изменчивы, вызывая, чтобы играть роль неизменных, застывших, скучных первичных качеств, которыми раз и наве-

гда оснащен Универсум. Что общественные науки могли бы делать вместе с естественными — это *представлять* самим людям вещи со всеми их последствиями и неясностями. Именно такую задачу семьдесят лет назад поставил перед общественными науками Дьюи в одной из наиболее важных своих работ (Dewey 1954[1927]): не определять невидимую структуру наших действий (как если бы обществовед знал *больше*, чем сам актер), но *пред-*ставлять общественное ему самому, потому что ни «народ» (слово, которое употреблял Дьюи для обозначения того, что мы называли сегодня «обществом риска»), ни обществовед точно не знают, через какой именно опыт мы проходим. С этой точки зрения, правильными общественными науками были бы не те, что придумывают инфраструктуры, играя в игру (воображаемых) естественных наук, а те, которые способны изменить представление народа о себе *настолько твердо*, чтобы мы были уверены: максимально возможное количество *возражений* (objections) этому представлению прозвучало. Тогда общественные науки начнут подражать естественным. Больше того, они смогут вернуть «вещи» тому, чему они принадлежат, — ансамблю, ответственному за создание общего мира, который должен по праву называться политикой (Latour 1999b; 1999c).

Такое определение проекта общественных наук «эпохи пост-STs» могло бы облегчить и нескончаемые дебаты по поводу текучести, изменяемости, многообразия, фрагментарности, открытости, столь типичные для сегодняшнего дискурса (Castells 1996). Если мы вырвемся из проекта «научного общества», предложенного модернизмом, это отнюдь не значит, что мы впадем в постмодернистское восхваление сетей, потоков и фрагментов. «Новый дух капитализма», употребляя бранное выражение (Boltanski и Chiapello 1999), пришлось бы кстати ницшеанскому требованию многообразия, но он упрощает необходимое политическое развитие так же, как до него — дихотомия природы и общества. Первый проект, модернизм, отверг *поступательное* создание общего мира, потому что считал Природу и Общество уже укомплектованными. Второй проект, постмодернизм, со своими сетями не хочет искать *общий* мир. Мы окажемся между Харибдой и Сциллой, если будем призывать к еще более текучему децентрализованному рынку и, тем самым, вновь обесценим общественные науки. Какая польза в избавлении от призрака тоталитаризма, если мы впадаем в «глобализм» («тотальный» и «глобальный» — два слова для обозначения общего мира, который достигается без надлежащего развития)? «Вещи» в смысле шокирующего вызова, брошенного STs общественным и естественным наукам, не обладают единством, каковое приписали им модернисты, но они не обладают и многообразием (послед-

нее понравилось бы постмодернистам). Они пребывают там, в новых ансамблях, ожидая необходимого развития, в *результате* которого (а не заранее) они объединятся.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В этой статье я предпочел употреблять термин «общественные науки» вместо «социологии». Не из-за какого-то империалистического *высокомерия*, а просто потому, что каждая общественная наука *кроме социологии*, имеет своего естественно-научного двойника. Точнее говоря, в «эпоху до STS» каждая общественная наука содержала внутри себя конфликт, определяемый природой «вещи». Только социология не разделила общую судьбу. Так, существуют физическая и социальная (human) географии, физическая и социальная (или культурная) антропологии. Психология нарезана бесчисленными слоями — от электрических разрядов мозга до рецептов психиатра и крыс, бегающих по кругу. Лингвистика путешествует по своей орбите — от компьютерного моделирования через эволюционные сценарии, этимологию и фундаментальную фонологию к речевым актам. Демография занята, по определению, наиболее запутанными генетическими гибридами, феноменами пола, статистикой, нравами и проблемами морали. Даже внутри экономики существует разделение на натурализацию рынка и экономизацию природы. Все это отнюдь не свидетельствует о внутренней гармонии данных дисциплин. Напротив, каждая из них содержит в себе конфликт разных способов рассмотрения вещей, которые сталкиваются в одном коридоре, на одних собраниях, смотрах, призывных комиссиях.

Есть *социальная* социология, но где же *физическая* социология? Социобиология, увы, не годится: она слишком воинственно противостоит общественным наукам и слишком нерефлексивна чтобы производить политически значимые «вещи». Я бы предположил, скорее, что искомым двойником социологии должны стать именно STS, способные удержать дисциплину «на ее границах». Они обратят внимание своих коллег, погруженных в «общественное» и «символическое», на чудовищную трудность рассмотрения объектов, которая требует от обществоведов принять радикальное смешение предметов, что придаст дисциплине больше сходства с остальными общественными науками. Общественное — не территория, но лишь один из голосов в ансамблях, собирающих вещи на этот новый (очень старый) политический форум: постепенное создание общего мира.

Перевод с английского Ольги Столяровой

ЛИТЕРАТУРА

- Вебер, М. (1990) 'О некоторых категориях понимающей социологии', в М. Вебер Избранные произведения. М.: Прогресс.
- Bauman, Z. (1992) *Intimations of Postmodernity*, London: Routledge.
- Berg, M. and Mol A.-M. (1998) *Differences in Medicine: Unraveling Practices, Techniques and Bodies*, Durham: Duke University Press.
- Bijker W. (1995) *Of Bicycles, Bakelites, and Bulbs: Towards a Theory of Sociotechnical Change*, Cambridge, Mass: MIT Press.
- Bloor, D. (1991 [1976]) *Knowledge and Social Imagery* (second edition with a new foreword), Chicago: University of Chicago Press.
- Bloor, D. (1999) 'Anti-Latour', *Studies in History and Philosophy of Science* 30 (1): 81–112.
- Boltanski, L. and Chiapello, E. (1999) *Le nouvel esprit du capitalisme*, Paris: Gallimard.
- Bourdieu, P. and Wacquant, L. (1992) *An Invitation to Reflexive Sociology*, Chicago: The University of Chicago Press.
- Callon, M. (1986) 'Some elements of a sociology of translation domestication of the scallops and fishermen of St Brieux Bay' in J. Law (ed.) *Power, Action and belief: A new Sociology of Knowledge?*, Keele: Sociological Review Monograph.
- Callon, M. (1992) 'Techno-economic Networks and Irreversibility', in J. Law (ed.) *Sociological Review Monograph* (Vol. 38), London: Routledge Sociological Review Monograph.
- Callon, M. and Latour, B. (1981) 'Unscrewing the Big Leviathans How Do Actors Macrostructure Reality', in K. Knorr and A. Cicourel (eds) *Advances in Social Theory and Methodology. Toward an Integration of Micro and Macro Sociologies*, London: Routledge.
- Castells, M. (1996) *The Rise of the Network Society?* Oxford: Blackwell.
- Claverie, E. (1990) 'La Vierge, le désordre, la critique', *Terrain* 14: 60–75.
- Descola, P., and Palsson, G. (eds) (1996) *Nature and Society. Anthropological Perspectives*, London: Routledge.
- Despret, V. (1999) *Ces émotions qui nous fabriquent, Ethnopsychologie de l'authenticité*. Paris: Les empêcheurs de penser en rond.
- Dewey, J. (1954 [1927]) *The Public and Its Problems*, Athens: Ohio University Press.
- Hacking, I. (1999) *The Social Construction of What?* Cambridge, Mass: Harvard University Press.
- Haraway, D. (1989) *Primate Visions: Gender, Race and Nature in the World of Modern Science*, Londres: Routledge and Kegan Paul.
- Hennion, A. (1993) *La passion musicale. Une sociologie de la méditation*, Paris: A.-M. Métailié.
- Jasanoff, S., Markle, G. E., Peterson, J. C. and Pinch, T. (eds) (1995) *Handbook of Science and Technology Studies*, London: Sage.